

Т.В.Федосеева

«НАРОДНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Я.П.ПОЛОНСКОГО

Лирика и очеркистика Я.П.Полонского анализируются с точки зрения фольклорно-мифологической образности и близкого «народной религиозности» сюжетно-мотивного комплекса. Выбранные для анализа сочинения относятся к раннему и зрелому творчеству поэта. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что фольклорные сюжеты и образы служат выражению христианских ценностей. Нехристианская традиционная для народного быта обрядность соединяется в художественном мире Полонского, как и в жизни народа, с христианской. Произведенное исследование показывает положительное отношение поэта к специфике христианского верования русского и других народов Российской империи. О том же говорят привлеченные к раскрытию темы материалы автобиографического и эпистолярного наследия Полонского. Проведенное исследование может быть продолжено с привлечением других поэтических и прозаических произведений писателя.

Ключевые слова: Я.П.Полонский, поэзия, очеркистика, фольклор, мифология, духовная поэзия, «народная религиозность»

Вопрос о «народной религиозности» ставится современной наукой в связи с критикой устоявшейся в XX веке концепции «двоеверия» русского народа. Термин предполагает разделение церковной и народной веры, которое вытекало из этнографических наблюдений второй половины XIX века В.И.Даля, Ф.И.Буслаева, А.Н.Афанасьева и др. В частности, опубликованная в 1859 году работа Буслаева «О народной поэзии в древнерусской литературе» содержала свидетельства плотного соприкосновения освященной церковью древнерусской письменности с народнопоэтическим преданием и шире — со всем богатством устного народного творчества [1]. Народная религиозность определялась тогда синкретизмом христианства с языческой архаикой, выразившимся в специфике почитания православных икон и праздничной обрядности, связанной с церковным календарем, а также другие формы религиозной жизни народа: лубок и вероисповедные практики с элементами магии, устной духовной поэзии.

Изыскания последних десятилетий справедливо ставят под вопрос обоснованность применения к религиозности русского народа термина «двоеверие». О цельности религиозных воззрений русского народа писал Н.И.Толстой, определяя их как «единую систему верований», сложившуюся в результате частичного уничтожения в быту русского, как и других славянских народов, структуры языческих верований, а в целом — ее подчиненность «значительно более высокой иерархии ценностей» христианства [2, с. 11]. Помимо симбиоза христианства с язычеством на народную религиозность в России, по наблюдениям ученого, его последователей и единомышленников, оказала воздействие «третья» сила, восходящая к нехристианским формам верований поздней античности-эллинизма, текстам ближневосточных апокрифов, восточному мистицизму и западной средневековой книжности. В быту русского народа эта «третья» сила вылилась в юродство, скоморошество, городскую карнавальную и ярмарочную площадки, лубочную культуру [2, с. 13].

Я.П.Полонский, безусловно, был православным человеком, художественному миру его поэтических произведений был свойствен весь комплекс мотивов, включающий сознание собственной греховности, покаяние, смирение, сострадание человеческим скорбям — душевных переживаний, определяющих антропологию христианства. Избрав для анализа сочинения Полонского, написанные в разные годы и в различных литературных жанрах и исходя из выведенной Н.И.Толстым концепции органичной русскому быту и национальной культурной традиции «народной религиозности», мы находим образное включение в мир поэта мотивов, образов и сюжетов, выразивших специфику религиозной жизни русского народа [3].

Судя по воспоминаниям Полонского, его православное сознание «наивная» вера, сложились, в духовной атмосфере «богомольной и патриархальной» семьи [4, с. 365]. Эта атмосфера сочетала церковную религиозность: чтение книг Священного Писания, следование в быту православному календарю, принятие священных тайн (поэт вспоминал о своем участии в регулярных посещениях храма, «говенье», исповеди, причастии) — с простонародным бытом многочисленной дворни бабушки Александры Богдановны Кафтыревой, в доме которой рано потерявший мать провел свои отроческие годы будущий поэт. Полонский вспоминал: «Когда проходили святки и зимние вечера начинались все еще с трех-четырех часов пополудни, не раз мне случалось в той же бабушкиной зале участвовать в хороводах, которые водили все собравшиеся туда дворовые. Иногда затевались воистину деревенские игры. Сколько раз, бывало, сидел я на полу вместе с Катьками, Машками и Николашками и вместе с ними тянул: “А мы просо сеяли, сеяли!”; а другой ряд сидящих перебивал: “А мы просо вытопчем, вытопчем!” Все это я очень любил и едва ли не все эти народные песни знал наизусть...» [4, с. 288-289]. Из воспоминаний поэта становится очевидным, что на его личностное становление оказали влияние не только канонические формы православной церковной культуры, но и неканонические, распространенные в народной среде, весь русский православный быт, который, по наблюдениям В.Н.Захарова, не ограничивается катехизисом, но включает весь «образ жизни, мировосприятие и миропонимание народа» [5, с. 149].

О том, что умственный и нравственный склад души Полонского был близок народному писали его современники. Л.И.Поливанов даже счел возможным признать Полонского «из всех лириков второй половины нашего [XIX-го — Т.Ф.] века наиболее русским по тому, как он относится к окружающей его действительности, т. е. как она отражается в его фантазии, и по чувству и по характеру...» [6, с. 120]. Поэтическая фантазия поэта нередко шла за фантазией народной, особенно это заметно в произведениях с влиянием русской фольклорно-мифологической традиции. Особого внимания, в этом смысле, заслуживают публикации в журнале «Москвитянин», сотрудничество с которым началось в годы обучения Я.П.Полонского в Московском университете (1838—1844). Среди них были стихотворения, стилистически и композиционно тяготеющие к народному преданию. Одно из них — «Солнце и Месяц» (1841) неоднократно называлось в числе лучших.

Сюжет стихотворения построен на народном поверье о том, что месяц был младшим братом солнца и обязан освещать землю ночью. Это отмечено в работе И.П.Черноусовой, исследовавшей формулы красоты в русском фольклоре. Исследовательница пишет: «...солнце — источник жизни на земле, месяц (луна) — погасшее светило, именуемое в славянских народных песнях братом, иногда сестрой солнца, и звезды...» [7, с. 96]. Образы Солнца и Месяца включены Полонским в теоцентричную систему, что не было редкостью для русского фольклора и входило в традицию духовной поэзии. О солнце и месяце, сотворенных, наряду с другими формами жизни, Богом, персонифицированным в образе Христа, упоминается в знаменитой «Голубиной книге», одном из важнейших и наиболее распространенных в русском народе произведений духовной поэзии:

У нас белый вольный свет зачался от суда Божия,
Солнце красное от лица Божьего,
Самого Христа, Царя Небесного;
Млад-светел месяц от груди его,
Звезды частые от риз Божиих... [8, с. 36].

У Полонского Богом возложена на Солнце ответственность за «покой земли», а в ночное время этот своеобразный дозор поручается его младшему брату — Месяцу, обязанному знать «Кто там молится, кто плачет, / Кто мешает людям спать»¹. Таким образом, Солнце и Месяц действуют в исполнение Божьего завета и как персонажи народного предания включены в христоцентрическую картину мира.

Это раннее стихотворение поэта, как никакое другое, свидетельствует о генезисе ценностного мира Полонского под влиянием народного христианства. Его отличительной особенностью было наложение православного миропонимания на сохраняемую в памяти народа мифологическую архаику дохристианских представлений об иерархии земного бытия в отношении к небесному и божественному началу.

Я.П.Полонский, наблюдавший соединение православного быта с формами дохристианского народного обычая, проявлял, сохраняя этот угол зрения, интерес к быту простого народа на Кавказе, где служил в 1846—1851 годах. По долгу службы объезжая районы русского наместничества в Тифлисе, возглавляемого в те годы кн. М.С.Воронцовым, поэт наблюдал быт населявших закавказские территории христианских народов, изучал их историю, память о которой сохранилась в народных преданиях, собирал и записывал фольклор, размышляя о сходстве мотивов и сюжетов в произведениях русского и кавказских народов. Безусловно, поэт испытывал особый интерес к формам народного православного быта. По долгу службы он посещал отдаленные и труднодоступные горные районы Грузии, а свои впечатления отражал в очерках, публиковавшихся в тифлиских газетах «Закавказский вестник» и «Кавказ». Пути его размышлений, нашедших выражение в художественном очерке поэта «Делибаштала Грузинская сказка. (Из путевых записок 1847 г.)», были проанализированы Н.В.Трофимовой [9].

В очерке «Несколько слов о грузинских праздниках вообще по случаю Марткопского» (1848) Полонский рассказывает о ежегодном церковном празднике Алавердоба, совмещаемом в быту с праздником урожая. Церковью этот день приурочен к празднованию Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня 14 (27) сентября, установленному в честь его обретения, согласно церковному преданию, в 326 году в Иерусалиме, а у армян еще и связан с памятной датой — возвращения Креста, на котором был распят Христос, в 628 году, когда византийский император Ираклий победил персов и вернул находившийся у них Крест христианам.

Полонский описывает праздник, свидетелем которого был вблизи Тифлиса, на развалинах Марткопского монастыря, и сообщает свои наблюдения, связанные с объединением церковной традиции и престоного народного обычая. Жители Тифлиса и многочисленные обитатели окрестных селений, большей частью, грузины и армяне, собираются к развалинам старинного монастыря, основанного на вершине горы Марткопи в VI веке, для празднования Алавердоба. Монастырь был освящен в память об одном из ассирийских Отцов церкви, крестивших народы Кавказа, Святого Антония, похороненного на его территории.

Полонский отмечает, что праздник в честь Антония Марткопского объединял не только грузинских и армянских христиан, но также и иноверцев — лезгин, татар, персов. Все они съезжались в труднодоступное горное место целыми семьями, включая стариков и детей: «...стекается народ за сотни верст, где все сословия от пастуха до князя... где десятки тысяч костров освещают ночное небо, оглашаемое неумолкаемыми песнями»

¹ Полонский Я.П. Полн. собр. стихотворений: В 5 т. Т. 1. СПб.: А.Ф.Маркс, 1896. С. 12. Далее произведения Я.П.Полонского цитируются по этому изданию с адаптацией к современной орфографии и указанием тома и страниц в круглых скобках.

[10, с. 143]. Единодушное стремление участвовать в ежегодном празднике автор очерка объясняет древними корнями христианской культуры этого края. Марткопский монастырь был основан в то далекое время, когда еще не состоялось Крещение Руси, что особенно впечатляло Полонского, наблюдавшего торжественное шествие в горах: «Как только вообразишь себе, что за три века до крещения Великого князя Владимира... здесь уже курился ладан, перед ликом Спасителя, и раздавалось слово истины... невольно с участием посмотришь в ту сторону, где на двух горах из зелени кудрявого леса начинают появляться развалины» [10, с. 144]. Эти развалины писатель называет «почтенными», явно переживая трепетное чувство благоговения перед святыней, а слово православной веры для него — «слово истины».

В очерке отмечено благочестивое поведение участников праздника: христиане, движимые глубоким религиозным чувством, истово молились и с трепетом приобщались к святыням: «На площадке, под открытым вечерним сводом неба, молился народ, пред гробом Святого Антония, и целовал парчу, покрывающую могильную плиту его. В нескольких шагах от этой могилы возвышался деревянный, на четырех точеных столбиках, навес, поддерживающий хрустальное паникадило, и осеяло налож, на котором всего заметнее был нерукотворный образ Спасителя» [11]. Не ушло от внимания писателя и другое — соединение церковного праздника с бытовой народной традицией: благочестивое поклонение святыням с народным весельем по случаю дня урожая — скачками на лошадях, танцами, песнями, щедрым угощением. Полонский пишет: «В одном месте под удары в бубен... по очереди выходили в кружок и плясали девушки, те самые, которых за минуту [до того — Т.Ф.] видел я коленапреклоненными перед могилой Святого отшельника. Некоторые из них, разогревшись от пляски — вновь шли молиться на развалины» [11]. Если христиане совмещали традицию религиозного поклонения святым с развлечениями, то нехристиан привлекала, прежде всего, возможность участвовать в общем веселье, длившемся в продолжение целого дня и ночи. Даже под утро, когда и «костры потухали», «лес гудел от песен», праздник продолжался, переходя в новую стадию. В предутренней тишине участники праздника, ранее разделенные на кружки, собирались в «длинные хороводы» и снова все «запело и заплясало» [11]. Своеобразным продолжением описанного в газетном очерке веселья стало стихотворение «После праздника» (1848). В нем представлен бытовой план подобного праздничного действия, которое объединяет народ:

Вчера к развалинам, вдоль этого ущелья,
Скакали всадники — и были зажжены
Костры — и до утра был слышен гул веселья —
Пальба, и барабан, и вой зурны.
Из уст в уста ходила азарпеша,
И хлопали в ладоши сотни рук,
Когда ты шла, Майко, сердца и взоры теша,
Плясать по выбору застенчивых подруг (I: 105).

Тринадцать лет спустя, в стихотворении «Мельник» (1861) Я.П.Полонский возвращается к воссозданию народного праздника, сочетающего церковное поклонение святому с архаикой дохристианских верований. В этот раз его интерес пересекается с интересом к народному быту А.Н.Островского, которому посвящено стихотворение. В 1857—1858 годах состоялась наиболее значимая поездка Островского по Волге, связанная с участием в «литературной экспедиции» по заданию великого князя Николая Александровича и Морского министерства. Среди записей Островского встречаются свидетельства о «русальной неделе» («зеленых святках») [12]. «Русальная неделя» следовала за церковным праздником Вознесения Господня, а ее обрядность была близка обрядности купальской ночи, отраженной в балладе Полонского «Мельник».

По сюжету баллады Полонского, подвыпивший мельник оказался в глухом лесу в ночь на Ивана Купала и не обращает внимание на просьбы испуганного сына вернуться на дорогу. По народному поверью, в эту ночь объявлялась нечистая сила: домовые, водяные, лешие, русалки. На опасения сына, вопрошающего: «Что там? Не месяц ли всходит? / Али, с зажженной лучиной, бес / Между деревьями бродит?», старик отвечает: «Это костры зажигают, / Через огни девки прыгают, — слышь, — / Наши ребята гуляют» (1, 371). Там, где мельнику видится подготовка к празднику — односельчане разжигают костры, чтобы, по обычаю, вокруг них водить хороводы и прыгать через огонь, открыто иное — разгул нечистой силы:

Смотрит ребенок, и видит — огни, —
Искры летят, тени пляшут;
Ведьма за ведьмой сквозь дым, через пни
Скачут, хохочут и машут...
Лешего морда в телегу глядит:
«Батька! мне страшно!» ребенок кричит (1: 372).

В тексте баллады воссоздаются распространенные у славян праздничные действия, устраиваемые в ночь на Ивана Купала, когда в народных представлениях магическую силу обретают и вода, и огонь, и трава: пущенные в реку венки предсказывают будущее, купание и огонь костра очищают от болезней и снимают сглаз. В разгар праздника мельнику являются его дочери, которые, согласно традиции, участвуют в общем веселье и играх, связанных с любовно-брачной обрядностью. На эротический смысл купальского действия

указывают детали увиденного мельником: распущенные косы старшей дочери и догоняющий ее парень, нетвердая походка, раскрасневшееся лицо и льнущая «к белому телу сорочка» — младшей. Увещевания отца не производят нужного действия, он сходит с телеги, чтобы привести дочерей к послушанию, и оказывается во власти нечистой силы, воплотившейся в образе кума, в котором ребенок распознает беса. Мельник же снова не слышит предупреждения:

Мельник не слышит — и с кумом своим
Стал за кострами теряться...
Хохот, как буря, пронесся за ним;
Начали тени сгущаться;
И красноватыми пятнами стал
Дым пропадать, пропадать — и пропал (1: 374).

Мельник становится жертвой нечистой силы и собственного самомнения. При этом автор рассказанное событие никак не комментирует, он просто воспроизводит народное предание и присоединяется к мнению односельчан мельника, от лица которых дается оценка произошедшему с указанием на причины и следствия:

Слухи пошли по деревне, как бес
Душу сгубил. Толковали:
«Черт ли понес к ночи пьяного в лес!
Пьян, так от лесу подале».
Но и доньне душа старика
Стонет в лесу позади кабака... (1: 375).

Широко известный в России и за ее пределами фольклорно-мифологический сюжет Полонский воспроизводит в реалиях славянской обрядности. Демонические персонажи, причиняющие зло, в контексте истории мельника олицетворяют собой регулирующую и гармонизирующую власть природы. В данном случае это сила карающая, но справедливая, она наказывает человека за нарушение установленных правил. Мифологическая образность в данном случае служит осуждению сурово наказываемого в библейских текстах греха своеволия и утверждению евангельской мудрости: «будьте как дети», «ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк. 10: 14). В стихотворении Полонского лирический субъект берет на себя роль рассказчика, объективируя в образе мельника сознание потерявшего духовный ориентир позитивиста и противопоставляя ему укоренное в народной духовной традиции сознание наивно верующего ребенка. Никак не обозначив свое отношение к рассказанному, автор предлагает самому читателю расставить ценностные акценты, погружившись в старорусский быт с ориентированными на мифолого-фольклористическую традицию формами содержательно христианской обрядности.

Таким образом, поэтика рассмотренных выше и ряда других сочинений Я.П.Полонского, о которых нами сказано в других публикациях, позволяет видеть не только синтез форм национальной духовной культуры с православием как свойство народной религиозности, но и положительное в целом отношении к нему поэта. Об этом свидетельствует и его собственные слова из письма, адресованного Л.Н.Толстому. В 1898 году Полонский писал: «Вы нападаете также на предрассудки нашего темного люда, но в них я вижу признаки народного самобытного творчества. Народ без предрассудков, без его домовых, русалок и леших есть нечто вялое, бесцветное и стоит гораздо дальше от евангельских истин, не отрицающих ни ангелов, ни злых духов, гораздо дальше, чем полуграмотный гимназист, гоняющийся за модными идеями социализма, материализма и проч. и проч. Если по Вашему мнению я ошибаюсь, то вините не столько меня, сколько мною выношенное мирозерцание» [13].

Итак, проведенное нами исследование показывает, что бытовые формы «народной религиозности», воспринятые Я.П.Полонским в детстве, не вызывали его неприятия и в зрелые годы. В отдельных лиро-эпических стихотворениях поэта эти формы в качестве фольклорно-мифологических образов и мотивов входят в воссоздаваемую им картину жизни, не противореча при этом христианскому сознанию автора.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 17-04-00501а на 2019 год. «Литературное наследие Я.П.Полонского: исследование и комментарий».

1. Буслаев Ф.И. О народной поэзии в древнерусской литературе (Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 12 января 1859 г.) [Электр. ресурс] // Московские ведомости. 1859. № 11—14. С. 78-80, 86-88, 93-96, 102-103. URL: http://az.lib.ru/b/buslaew_f_i/text_1859_o_narodnoy_poezii.shtml (дата обращения: 02.08.2019).
2. Толстой Н.И. Очерки славянского язычества / Сост. и отв. ред. С.М.Толстая. М.: Индрик, 2003. 622 с.
3. Федосеева Т.В. Романтическая рецепция народнопоэтической традиции // Я.П.Полонский. Вопросы творческой биографии: моногр. / Отв. ред. Т.В.Федосеева. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А.Есенина, 2019. С. 28-45.
4. Полонский Я.П. Проза / Сост., вступ. ст. и примеч. Э.А.Полоцкой. М.: Сов. Россия, 1988. 496 с.
5. Захаров В.Н. Историческая поэтика. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. 263 с.
6. Яков Петрович Полонский. Его жизнь и сочинения: сб. ист.-лит. ст. / Сост. В.Покровский. М.: В.Спиридонова, А.Михайлов, 1906. 470 с.
7. Черноусова И.П. Формула красоты в русских волшебных сказках и былинах // Русская речь. 2012. № 1. С. 93-99.

8. Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI—XIX вв. / Сост., вступит. статья, примеч. Л.Ф.Солощенко, Ю.С.Прокошина. М.: Московский рабочий, 1991. 352 с.
9. Трофимова Н.В. Фольклорный сюжет и его авторская оценка в путевом очерке Я.П.Полонского «Делибаштала» // Я.П.Полонский: творчество, судьба, эпоха: сб. науч. ст. / Сост. и науч. ред. Т.В.Федосеева; Ряз. гос. ун-т имени С.А.Есенина. Рязань, 2015. С. 28-36.
10. Полонский Я.П. Несколько слов о грузинских праздниках вообще по случаю Марткопского // Закавказский вестник. 1848. № 34. С. 143-144.
11. Полонский Я.П. Ночной вид Марткопского праздника // Закавказский вестник. 1848. № 35. С. 147.
12. Лебедев Ю.В. Дневники. Путевые заметки Островского // А.Н.Островский: Энциклопедия / Гл. ред. и сост. И.А.Овчинина. Кострома: Костромиздат; Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2012. С. 139-141.
13. Лев Николаевич Толстой. Письма Толстому. Полонский Я.П. — Толстому Л.Н. 1898 г. Мая 5. СПб. [Электр. ресурс]. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma-tolstomu/letter-216.htm> (дата обращения: 29.08.2019).

References

1. Buslaev F.I. O narodnoy poezii v drevnerusskoy literature (Rech', proiznesennaya v torzhestvennom sobranii Moskovskogo universiteta 12 yanvarya 1859 g.) [On Folk Poetry on Old Russian Literature]. Moskovskie vedomosti, 1859, no. 11—14, pp. 78-80, 86-88, 93-96, 102-103. Available at: http://az.lib.ru/b/buslaev_f_i/text_1859_o_narodnoy_poezii.shtml (accessed: 02.08.2019).
2. Tolstoy N.I., Tolstaya S.M. (ed.). Ocherki slavyanskogo yazychestva [Essays on Slavic Paganism]. Moscow, 2003. 622 p.
3. Fedoseeva T.V. Romanticheskaya retsepsiya narodno-poeticheskoy traditsii [Romantic Reception of the Folk Poetic Tradition]. In: Fedoseeva T.V., ed. Ya.P.Polonskiy. Voprosy tvorcheskoy biografii: monogr. Ryazan', 2019, pp. 28-45.
4. Polonskiy Ya.P. Proza [Prose]. Moscow, 1988. 496 p.
5. Zakharov V.N. Istoricheskaya poetika. Etnologicheskie aspekty [Historical Poetics. Ethnological Aspects]. Moscow, 2012. 263 p.
6. Pokrovskiy V., comp. Yakov Petrovich Polonskiy. Ego zhizn' i sochineniya [His Life and Works]. Moscow, 1906. 470 p.
7. Chernousova I.P. Formula krasoty v russkikh volshebnykh skazkakh i bylinakh [Beauty Formula in Russian Fairy Tales and Bylinas]. Russkaya rech', 2012, no. 1, pp. 93-99.
8. Golubinyaya kniga. Russkie narodnye dukhovnye stikhi XI—XIX vv. [Russian Folk Spiritual Poems of the XI—XIX centuries]. Moscow, 1991. 352 p.
9. Trofimova N.V. Fol'klornyy syuzhet i ego avtorskaya otsenka v putevom ocherke Ya.P.Polonskogo "Delibashtala" [Folk Plot and Y.P. Polonsky's Assessment in Travelling Essay "Delibashtala"]. In: Fedoseeva T.V., ed. Ya.P.Polonskiy. Voprosy tvorcheskoy biografii: monogr. Ryazan', 2019, pp. 28-36.
10. Polonskiy Ya.P. Neskol'ko slov o gruzinskikh prazdnikakh voobshche po sluchayu Martkopskogo [A Few Words on Georgian Holidays in General On the Occasion of the Martqopi one]. Zakavkazskiy vestnik, 1848, no. 34, pp. 143-144.
11. Polonskiy Ya.P. Nochnoy vid Martkopskogo prazdnika [Night View of Martqopi holiday]. Zakavkazskiy vestnik, 1848, no. 35, p. 147.
12. Lebedev Yu.V. Dnevnik. Putevye zametki Ostrovskogo [Diaries. Travel Writings]. In: Ovchinina I.A., ed. A.N.Ostrovskiy: Entsiklopediya. Kostroma; Shuya, 2012, pp. 139-141.
13. Lev Nikolaevich Tolstoy. Pis'ma Tolstomu. Polonskiy Ya.P. — Tolstomu L.N. 1898 g. Maya 5. SPb. [Letters to Tolstoy. Polonsky Y.P. to Tolstoy L.N. May, 5, 1898. St. Petersburg]. Available at: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma-tolstomu/letter-216.htm> (accessed: 29.08.2019).

Fedoseeva T.F. "Folk pioussness" in Ya.P.Polonskiy's art. Ya.Polonskiy's lyrics and essays are analyzed from the point of view of the folk and mythological imagery and the plot-motive complex which is close to the "folk pioussness". The works chosen for the analysis belong to the poet's early and mature periods of creativity. The analysis allows us to draw a conclusion that folk plots and images serve the expression of the Christian values. In Polonsky's art, as well as in the life of people, the traditional secular ritualism is combined with the Christian one. The research shows the poet's positive attitude to the specific character of the Christian beliefs of the Russians and other peoples of the Russian Empire. It is also proved by the materials of Polonsky's biographical and epistolary heritage. The research may be continued on the basis of other poetic and prosaic works by the author.

Ключевые слова: Ya.Polonskiy, poetry, essay writing, folklore, mythology, spiritual poetry, "folk pioussness".

Сведения об авторе. Татьяна Васильевна Федосеева — доктор филологических наук (10.01.01 — Русская литература), доцент, профессор кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С.А.Есенина, факультет русской филологии и национальной культуры; ORCID: 0000-0002-5540-5051; t.fedoseeva@365.rsu.edu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2020. Принята к публикации 15.03.2020.